

убеждение — выгодное для угнетателей — что, без исключительных условий и руководителей «героического» склада, масса не может выступить против закрепленного веками положения вещей и, значит, «просто», «обыкновенному» человеку остается лишь примириться со своим тяжелым положением как с роковой неизбежностью и подчиниться судьбе. Как это не странно, но существует нелишнее интереса сходство между точкой зрения романтиков и проповедью христианского смирения в произведениях Достоевского.

Вот каковы были условия, позволившие сделать на первый взгляд правильный, но по сути дела ошибочный вывод, в связи с которым реалистическое отражение жизни, будто бы, непримиримо с изображением исключительного. Ведь против этого вывода выступил в свое время величайший теоретик критического реализма, ученик Белинского — Чернышевский. В романе «Что делать?» образ Рахметова ярко рисуется автором как образ исключительного человека. Более того, Чернышевский уточняет, что для того, чтобы показать совершенно исключительные моральные качества этого персонажа, его следует сравнивать не с простыми людьми, а с передовыми людьми эпохи. Все выдающиеся герои критического реализма в определенном смысле исключительны; это относится и к Базарову, и к Нехлюдову, и даже к... Обломову.

Тем более справедлив этот вывод для литературы социалистического реализма. В «Чапаеве» Фурманова дается очень интересное сравнение между легендарным героем и реальным человеком, с которым познакомился Клычков. Представление об этом герое было в такой мере гиперболлизировано легендами, что новый командир дивизии даже разочаровался, познакомившись с «живым» Чапаевым. Но он же писал в своем дневнике: «Чапаев был хорошим и чутким организатором того времени, в тех обстоятельствах и для той среды, с которой имел он дело, которая его и породила, которая его и вознесла! Во время хотя бы несколько иное и с иными людьми — не знали бы героя народного, Василия Ивановича Чапаева! Его славу, как пух, разносили по степям и за степями те сотни тысяч бойцов, которые тоже слышали от других, верили этому и своим вымыслом, несли дальше. А спросите их, этих глашатаев чапаевской славы, — и большинство не знает никаких дел его, не знает его самого, ни одного не знает достоверного факта...

Так-то складываются легенды о героях. Так сложились легенды и о Чапаеве. Имя его войдет в историю гражданской войны блестящей звездой. И есть за что: «таких, как он, было немного»».

У Фурманова образ Чапаева рисуется полемически — тенденция к развенчиванию его очевидна; легендарный командир дивизии сводится с пьедестала и является перед нами как живой человек со множеством недостатков и странностей. Таким видит его автор, таким он рисует его, но это не мешает ему признать: «таких, как он, было немного».

Значит, Чапаев и в истории был «необыкновенным» явлением? Да. «Обыкновенный» человек может быть в то же время и необыкновенным — тогда, когда он становится героем. Без противопоставления «обычному» понятие героического теряет всякий смысл. Герой определяется как нечто необычное, выходящее за рамки каждодневного.